

С. П. РАМАЗАНОВ

О ПРИНЦИПЕ ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

В статье раскрывается сущность принципа дополнительности в историческом познании, рассматриваются гносеологические и социальные условия его формирования, определяются его роль и эвристические возможности.

Ключевые слова. дополнительность, идеальный тип, историческое время, целостность, историзм, плюрализм истины.

Формулирование принципов исторического познания являет собой сложный и достаточно противоречивый процесс. В нем сочетается длительное осмысление опыта исторического исследования и, одновременно, перелом в таком исследовании, связанный с известным преодолением прешествующей традиции и, как правило, сопровождающийся подъемом изучения прошлого на качественно новый уровень.

Несомненно, осознание реального функционирования новых принципов исторического познания будет способствовать повышению качества научных работ, в том числе и диссертационных сочинений, к которым вполне оправданно предъявляется требование обоснования методологической базы, и, прежде всего, тех принципов, которые положены в их основание. Вместе с тем, в большинстве диссертационных исследований указание на их принципы ограничивается принципом объективности, который, по сути, обозначает нацеленность ученого, и принципам историзма, сформулированным в немецкой исторической мысли еще в начале XIX в. Принцип дополнительности, обозначившийся в историографической практике в XX в., практически не находит обоснования и в монографиях, и в учебных пособиях по методологии истории.

Принцип дополнительности выражает требование использовать при исследовании исторических явлений и процессов дополнительные, противоположные и порой взаимоисключающие классы понятий, каждый из которых применим в своих особых условиях, а их совокупность необходима для постижения целостности объекта.

Становление принципа дополнительности в историческом познании было связано со стремлением к преодолению одностороннего, прямолинейного, схематичного, телеологического подхода в интерпретации исторического процесса. Вместе с тем, формирование этого принципа шло в русле осознания специфики исторического познания.

По существу дела, принцип дополнительности в историческом познании противостоял установкам позитивистской, марксистской и, в известной мере, даже неокантианской методологии. Позитивистская философия, ориентирующая историков на всестороннее многофакторное исследование исторического процесса, вместе с тем, усматривала цель такого исследования в установлении строгих неизменных законов развития человеческого общества – единых для всех народов, а историческое разнообразие после достижения этой цели фактически нивелировалось [10]. Марксизм же не только нацеливал историков на установление однозначных и всеобщих законов социального движения, но и сформулировал такие законы, увязав их действие с жестким подчинением политических, идеологических и культурных процессов экономическому развитию, а национальные, религиозные, общекультурные взаимоотношения людей – исключительно классовому противостоянию и классовой борьбе, базирующейся на противоположном отношении социальных групп к средствам производства [8; 19; 21]. При всей своей резкой критике позитивистской и марксистской методологии за игнорирование ими своеобразия исторического познания и субъективную ориентацию на приоритеты экономики и групповые интересы пролетариата, лидеры баденской школы неокантианства В. Виндельбанд и Г. Риккерт рассматривали изучение прошлого как простое описание событий и явлений, имеющих отношение к общезначимым вневременным трансцендентным ценностям. Такая интерпретация исторического исследования позволяла неокантианцам трактовать его как процесс одноплановый и достигающий объективности на основе абсолютного [18].

Вместе с тем, становление принципа дополнительности в историческом познании было обусловлено осмыслением специфики этого познания и определенной реакцией на субъективистскую и релятивистскую трактовку такой специфики. Основоположник методологического течения философии жизни В. Дильтей, выдвигая в качестве основных способов исторического познания «сопереживание» историка людям прошлого, «вчувствование» в их психологию на базе индивидуальной интуиции познающего субъекта, допускал возможность различной интерпретации исторического процесса, но, одновременно, ставил вопрос о достижимости историческим знанием объективности или общезначимости [9; 11]. Крупнейший представитель философии жизни в исторической мысли О. Шпенглер своей теорией локальных цивилизаций внес важный вклад в преодоление европоцентристского подхода к объяснению истории. Но, одновременно, немецкий мыслитель со своим «физиогномическим» методом делал еще более актуальным вопрос о научном статусе историче-

ского знания [16, с.124-145; 20]. А усиливающее свое влияние после Первой мировой войны течение исторического релятивизма или прагматического презентизма открыто отрицало возможность объективной исторической истины и научный характер исторического знания, признавая правомерность самых разных интерпретаций истории. В известном смысле девизом течения исторического релятивизма стало название лекции, а затем и книги крупного американского историка К. Беккера «Каждый человек – свой собственный историк» [2, р.233-255].

Особую роль в становлении принципа дополнительности в историческом познании сыграли труды М. Вебера [17; 13, с. 61-74]. Развивая неокантианские идеи, ученый, с одной стороны, отказался от трактовки процесса исторического познания как основанного на трансцендентных надындивидуальных ценностях и перенес критерий выбора существенных исторических явлений в субъективно-историческую плоскость, что уже предполагало множественность интерпретаций исторического процесса. С другой стороны, допуская отвергаемую Виндельбаном и Риккертом обобщающе-систематизирующую работу в историческом исследовании, Вебер ввел понятие «идеального типа», характеризуя это понятие как «мысленный образ», который «сочетает определенные связи и процессы исторической жизни в некий лишенный внутренних противоречий космос *мысленных* связей», полученный «посредством *мысленного* усиления определенных элементов действительности» [7, с.389]. Базируясь на этом понятии, Вебер не отвергал идейно-типическое построение К. Марксом процесса генезиса капитализма, но предлагал свой взгляд на складывание капиталистических отношений, основанный на утверждении в западном обществе протестантского мировоззрения с его этикой аскетизма, воспитывающей бережливость, расчетливость, трудолюбие, честность. Б.Г. Могильницкий справедливо отмечает, что значение веберовского учения об идеальном типе состоит в том, что оно открывало возможность различных подходов к рассмотрению истории и «давало ему методологическое обоснование. Ибо идеальный тип, будучи субъективной категорией, предполагал возможность существования иных мыслительных конструкций, а, следовательно, и многообразие подходов к изучению одной и той же реальности, и соответственно, допуская существование различных истин о ней» [13, с. 68-69].

Таким образом, своеобразие субъектно-объектных отношений в историческом познании, где человек изучает человека и человеческое общество, и стремление вовлечь в процесс такого изучения все стороны жизни этого общества – обусловили то, что историческая мысль подо-

шла к осознанию функционирования принципа дополнительности в историческом познании раньше, чем это поняли естествоиспытатели применительно к своим областям знания. И методологические идеи в социогуманитарной сфере не могли не оказать воздействия на философское осмысление проблем естественных наук. Тем не менее, четкое формулирование в 1927 г. принципа дополнительности Н. Бором оказало и обратное влияние на теорию и практику исторического исследования.

Н. Бор обосновывал необходимость применения неадекватных взаимоисключающих (классических) понятий в виде «дополнительных пар» невозможностью описать иначе противоречивые свойства квантовых объектов. В частности, он отмечал, что противоположность волновых и корпускулярных свойств обуславливает противоречивость теории света. Выступая с требованием радикального пересмотра взглядов на проблему физической реальности, Бор указывал, что принцип дополнительности служит для того, чтобы «символизировать фундаментальное ограничение объективного существования явления независимо от средств наблюдения» [3, р. 7]. Вместе с тем, с точки зрения Бора, разделение субъекта и объекта обуславливает общие трудности образования человеческих понятий [4, с. 53]. Он обращал внимание на применимость принципа дополнительности в биологии в связи с противоречием между физико-химической природой жизненных процессов и их функциональными аспектами; в социологии – в связи с противоречивостью понятия личной свободы и социального равенства; в юриспруденции – в связи с противоречивостью понятия правосудия и милосердия [12; 15].

Принцип дополнительности в историческом познании рельефно воплотил в своем творчестве крупнейший представитель школы «Анналов» Фернан Бродель. В опубликованном в 1949 г. труде «Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II» ученый исследует историю на трех уровнях – географическом, социальном и индивидуальном. Первый том этого труда озаглавлен «Роль среды», второй – «Коллективные судьбы и общее движение» и третий – «События, политика и люди». В предисловии к первому тому Бродель писал: «Первая часть посвящена почти неподвижной истории, истории человека в его взаимоотношениях с окружающей средой... Поверх этой неподвижной истории располагается история, протекающая в медленном ритме – это история структур... можно было бы сказать социальная история... история групп и коллективных образований... во второй части моей книги я последовательно останавливаюсь на истории хозяйства и государств, отдельных обществ и цивилизаций... Наконец, третья часть посвящена

традиционной истории... истории не в общечеловеческом, а в индивидуальном измерении, событийной истории... Это история кратковременных, резких, пульсирующих колебаний» [6, с. 20].

Окончательную форму концепция Броделя о возможности исследования истории на разных уровнях и, следовательно, принцип дополнительности приобретает в статье, опубликованной в 1958 г. в журнале «Анналы». Историк выделяет три таких уровня: короткого, среднего и долгого времени. Первый уровень – время политической истории, время «звонких новостей», «время журналистов», второй – время экономической и социальной истории, время вековых или полувековых циклов подобных столетним секулярным трендам или кондратьевским пятидесятилетним циклам экономической конъюнктуры; третье – время географических рамок цивилизаций [5, с. 118-121].

Усвоение исторической мыслью сущности принципа дополнительности, несомненно, способствовало широкому обсуждению вопроса о применении математических методов в историческом исследовании, появлению клиометрии, структурной истории, новых подходов к социальной и экономической истории, гендерной истории и психоистории, и, в определенной мере, значительному проникновению в историографию постмодернистского видения прошлого, связанного с темами истории любви, секса, отношений человека к власти и смерти [14].

Таким образом, принцип дополнительности содействовал расширению проблематики исторической науки. В конечном счете, даже вопреки субъективному желанию ряда представителей «новой исторической науки» этот принцип привел к углублению и расширению социальных функций истории, прежде всего, научно-познавательной или эвристической, и функции социальной памяти. Вместе с тем, воздействие принципа дополнительности на процесс исторического исследования привело к трактовке такого исследования как «игры со смыслами» при констатации плюрализма истины. Теоретик постмодерна Ф. Анкерсмит констатировал, что если в конце 1960-х гг. существовало две серьезных монографии о политической философии Т. Гоббса, то через 20 лет монографий на эту тему, «обширных» и «высокого качества», стало 20-25. «Дискуссия о Гоббсе, – замечает Анкерсмит, – имеет тенденцию превратиться в дискуссию об *интерпретации* его трудов, а не о *самых* трудах философа... У нас нет больше ни текстов, ни прошлого, остались только их трактовки» [1, р. 277-278].

Преодолению субъективистской и релятивистской ориентации историка, основывающегося на принципе дополнительности, поможет

корреляция этого принципа с принципом историзма, недооцененным Броделем, и принципом целостности, игнорируемым различными вариантами релятивистских течений. Принцип целостности нацеливает историка на поиск системообразующего элемента системы, придающего ей устойчивость. А принцип историзма предохраняет от догматизации такой устойчивости и ориентирует историка на осмысление развития системы, включая изменение и смену ее системообразующего элемента.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Ankersmit F.R.* Historiography and postmodernism // The postmodern history reader. - L.-N.Y., 1977.
2. *Becker C.* Every Man His Own Historian. Chicago, 1966.
3. *Bohr N.* Atomic physics and human knowledge. N.Y., 1958.
4. *Бор Н.* Избр. науч. труды. Т. 2. М., 1970.
5. *Бродель Ф.* История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977
6. *Бродель Ф.* Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа: В 3 ч. Ч. I: Роль среды. М., 2002.
7. *Вебер М.* «Обоснованность» социально-научного и социально-политического познания // Избр. произв. М., 1990.
8. *Гуревич А.Я.* Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. №11.
9. *Гурьева И.Ю.* Проблема исторической реальности в творчестве Вильгельма Дильтея // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 21. Томск, 1994.
10. *Журавлев Л.А.* Позитивизм и проблема исторических законов. М., 1980.
11. *Кречетова Н.С.* Учение о «понимании» истории В. Дильтея // Методологические и историографические вопросы исторической науки. Вып. 14. Томск, 1980.
12. *Кузнецов Б.Г.* Принцип дополнительности. М., 1968.
13. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. I. Томск, 2001.
14. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Вып. III. Томск, 2008.
15. Новая философская энциклопедия. В 4-х тт. Т.1. М., 2001.
16. *Одуев С.Ф.* Тропами Зоратустры. М., 1976.
17. *Патрушев А.И.* Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.
18. *Рамазанов С.П.* Категория ценности в теории исторического познания Г. Риккерт // Рамазанов С.П. Проблема ценности в истории: историографические и методологические аспекты. Волгоград, 2006.
19. *Стоянович С.* От марксизма к постмарксизму // Вопросы философии. 1991. №1.
20. *Тавризян Г.М.* О Шпенглер, И. Хейзинга: две концепции кризиса культуры. М., 1989.
21. *Топольский Е.* Методология истории и исторический материализм // Вопросы истории. 1990. № 5.

Рамазанов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории, политических и правовых учений ВГИ (филиал) Волгоградского государственного университета; ramasergej@gmail.com